

Я слышу ветер в дрожи тонких трав,
я слышу птиц трещотки, перебранки.
Я знаю: жизнь из каждой бьётся ранки,
прорезанной крылом на небесах,
прорытой плесенью в заборах, в почве сада
и червяком, и птицей, и стрельбой
плодов, созревших на ветвях рогатых,
со стоном падающих в почву головой.
О жизнь, прошу — не перестань прекрасной
являться мне, изрешети меня, пробей
путь в сердце — червь, и сердце — воробей,
и рация дождя сквозь шум акаций,
сквозь кляпы туч,
сквозь суженность пространства
на счастья новенького белую постель.

Второй

Когда второй мне нужен стал — тебя,
тебя я выбрала (зачем тебя — не бога?),
не бабочек, не нежных лебедей,
тебя, тебя, глупца и недотрогу.

А птицы все заснули, спят в груди,
как чуткий мрамор спит —
весь в веточках астральных.

К младенцу на поклон моя стезя
через дорогу перешла,
достала ключ пасхальный,

а там берлога, а не дом, — все спят,
все спят, все спят, все спят — во сне бормочут...

Мне кажется, что им дожди стучат
органом труб и пишут письма с меткой «срочно»:
проснись, воскресни, разбуди всех — закричи!

Иль не кричи — уснули все шарманки,
но звёзды, звёзды — эти шарлатанки
всё по небу летят, всё по морю, как чайки.

Ключами лязгают их золота лучи.

Я так давно тянусь к тебе руками
замёрзшими, осенними, как ветки,
промозглыми, как рельсы, — небом, далью.
Но ты знаком лишь с горьким окоёмом
той точки тайн в моём зрачке,
с бездонным звоном,
с сиренью точек в летней круговерти.
Я так давно тянусь за тот проём,
где ты увидел бездну под вуалью,
за поворот — за угол, за излом,
я так давно тянусь к тебе крылами.
Зрачок в проказе, как сирень всех летних крон.
Я еду первой, ты приедешь позже.
И расстояние с каждым днём всё тише, строже —
неосвещённый прицепной вагон.
Вагонов цепь — качаются, как дрожжи.
Я так давно тянусь к тебе огнями.
Там плачут дети, чемоданы, гномы, кошки
и вся судьба моя с собачьими глазами.